

- АЛФ — архив лаборатории фольклористики РГГУ (Москва).
 Мороз А. Б. «Чтоб ты лихая немочь изняла!» // Рус. речь. 2000. № 1. С. 89–94.
 Петров Н. В. Вахрамеев Вахрамеевич против Идолища: закономерности в образовании былинных имен // Традиционная культура. 2007. № 3 (27). С. 50–60.
 СПГ — Словарь пермских говоров : в 2 т. Пермь, 1999–2002.
 СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей : в 6 т. СПб., 1994–2005.
 СРГС — Словарь русских говоров Сибири : в 5 т. Новосибирск, 1999–2006.
 СРНГ — Словарь русских народных говоров. М. ; Л. ; СПб., 1965–. Вып. 1–.
 Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. М., 1964–1973.

С. А. Мызников

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург
 myznikovs@rambler.ru

Южновепсская лексика в севернорусском и прибалтийско-финском контекстах

В докладе предполагается проследить некоторые ареальные и этимологические особенности южновепсской лексики. Южные вепсы, в настоящее время проживающие в Бокситогорском районе Ленинградской области, находятся на грани полного исчезновения: число их составляет не более 150 человек, большей частью пенсионного возраста. При подготовке доклада использованы материалы, полученные в ходе полевых исследований для «Атласа вепсского языка», а также данные «Suomen kielen etymologinen sanakirja» и «Словаря вепсского языка», где достаточно подробно зафиксированы южновепские данные (например, с географической пометой *Радогощь* — 101 лексическая единица, *Сидорово* — 1 208, *Кортлахта* — 680).

1. В ряде случаев южновепские лексемы образуют ареал, противопоставленный другим вепским диалектам, ср. вепс. южн. *kukič* ‘голубика’ и вепс. северн. *gilingeine*, вепс. шим. *g’õnikbarb* ‘ветка голубики’, *g’õnikäiñe* ‘голубика’ [СВЯ, 99]. Ср. также вепс. южн. *sämutada* ‘вдевать нитку в челнок для вязания сетей’, вепс. южн. *sämüne* ‘то же, что *käbu*’ (Белое озеро, Кортлахта, Сидорово) [Там же, 537], при вепс. *käbutada*

‘то же, что *sämutada*’, *käbu* ‘челнок, иглица для вязания сетей’ [СВЯ, 259]. В этом случае имеются сходные карельские и саамские данные: карел. *käpy* ‘иглица, которой вяжут сеть’ [ССКГК, 267], ливв. *käbii* ‘челнок для вязания сетей, иглица’ [СКЯМ, 172], саам. *kiepp^a*, *kiebp^(a)* ‘игла для вязания сетей’ [KKLS, 119]. Однако в прибалтийско-финских языках для обозначения этой реалии используются и другие лексемы, ср. карел. твер. *šukkulan* ‘е, ливв. *sukkulaine*, карел. *poiminpuikko* ‘иглица для вязания сетей’ [СКЯП, 279; СКЯМ, 348; ССКГК, 456].

2. Есть лексические единицы, отмечаемые только как южновепские при возможности этимологии на прибалтийско-финской почве, ср. вепс. южн. *hama* ‘ум, толк, память’, *hamatoi* ‘бестолковый, с плохой памятью’ (Радогошь, Сидорово) [СВЯ, 104] при вепс. *ham* ‘соображение, память’ и фин. *haami*, *hamatti* ‘ум, понимание’ [SKES, 46]; ср. также вепс. южн. *rat’k* ‘сквозь’: в SKES это слово помещено в гнездо фин. *ratketa* ‘начинать (пить, смеяться и т. д.); быть готовой (о работе); заканчивать’ [Там же, 744].

3. В ряде случаев южновепские лексемы представляют собой локализмы, которые фиксируются в прибалтийско-финских языках, но могут не иметь фиксаций в других вепсских диалектах.

4. Южновепские заимствования из русского языка могут быть представлены в прибалтийско-финской лексике, но не зафиксированы в других вепсских диалектах, ср. фин. *hamotta*, *hamuhde*, *hamuhta*, *hamuhteet*, *hamuke*, *hamukkeet*, *hamutta* ‘набивка хомута’ при вепс. южн. *hamut* из рус. *хомут* и люд. *hamutin* ‘набивка хомута’; вепс. *hamu’in* из рус. *хомутина* ‘мягкий кожаный валик, прикрепляемый под клещи хомута, чтобы они не терли животному шею’ [SKES, 54].

5. Некоторые заимствования из русского языка отмечаются только в южновепской лексике, ср. вепс. южн. *balat* ‘грязь, слякоть’, *balatokaz* ‘грязный, слякотный’ (Белое озеро, Сидорово) [СВЯ, 40], вепс. южн. *šaržanik* ‘зипун, сшитый из понитка (грубого дмотканого материала)’ (Радогошь) [Там же, 542].

6. В ряде случаев детальный анализ вепсских, прибалтийско-финских и русских диалектных данных позволяет верифицировать некоторые этимологические версии. Примером может служить фин. *karanka* ‘кол, шест, жердь, высохший, довольно толстый еловый сук’, ‘прут в изгороди’, *karankokuusi* ‘ель с твердой древесиной без сучьев или с небольшими сучками’, *karanka-*, *karenko-ohdake* ‘вид осота больших

размеров', карел. *karanko* 'коряга, упавшая в реку', ливв. *karango* 'засохшее дерево', *karangahañe* 'сухостойное дерево', люд. *karangahaiñe*, *kūzen karangahaiñe* 'засохшая ель' при вепс. южн. *karand* : *kukiñkarand*, *-garand* 'осот, чертополох' [SKES, 161]. Авторы SKES предполагают этимологическую связь этих лексем с корнем *kara* 'твердый засохший сук хвойного дерева' [Там же, 161].

7. Провести дифференциацию лексики, вошедшей в русские говоры из прибалтийско-финских языков, на уровне диалектов не всегда возможно. Так, например, *лэйпина* 'кусок бересты, береста' (Прионеж.: Педасельга, Ладва) и *лэйпина* (Вытегор.: Бараны) сопоставляются с *läip* (Пондала, Шимозеро), *l'eip* (Пяжозеро) при вепс. южн. *laip* (Белое озеро) в значении 'кусок, полоса бересты, еловой коры и т. п.' [СВЯ, 309]. При этом чаще всего в таких случаях следует вести речь о результатах довольно позднего вепско-русского взаимодействия.

СВЯ — Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепского языка. Л., 1972.

СКЯМ — Макаров Г. Н. Словарь карельского языка [ливвиковский диалект]. Петрозаводск. 1990.

СКЯП — Пунжина А. В. Словарь карельского языка [тверские говоры]. Петрозаводск, 1994.

ССКГК — Федотова В. П., Бойко Т. П. Словарь собственно-карельских говоров Карелии. Петрозаводск, 2009.

KKLS — Ikonen T. I. Koltan ja kuolanlapin sanakirja. O. 1-

В. В. Напольских

Удмуртский государственный университет, Ижевск
vovia@udm.ru

Этнолингвистическая ситуация в лесной зоне Восточной Европы в первые века н. э. и данные «Гетики» Иордана

Предварительный анализ известного пассажа из «Гетики» Иордана (116), обозначаемого обычно как «список народов Германариха» (далее — «Список»), позволил реконструировать его как цитату